№ 1
ЯНВАРЬ
1940
ГОД ИЗДАНИЯ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Мурзилка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ВСЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ПО ТВОИМ ЗАВЕТАМ

Русский сказ

Если б стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голубя
Али в ласточку во быструю,
Я бы горьких слов не баяла,
Я б горючих слез не ведала,
Полетела бы прямёхонько,
До Москвы бы долетела я,
До Кремля стены до каменной,
К мавзолею опустилася,
Ко Владимиру ко Ленину.
Я б ему сказала: ,,Солнце ясное!
Посмотри кругом, порадуйся,
Как все в жизни изменилося.
Вон сады цветут — колхозные,
Вон поля цветут — колхозные,
Как светло-светло нам жить становится!
Наши дети в школах учатся,
В небе наши парни-соколы,
Наши девки водят тракторы!
И живем мы домом — полной чашею,
И в руках у нас работа спорится,
И в сердцах у нас любовь горит
За твою борьбу, за подвиги.
Ты для нас работал, рук не покладаючи,
Ума-разума большого не жалеючи,
Ты сгорел за нас костром-полымем.
Все, что думалось тобою, все исполнилось!
По твоим заветам-завещаньицу
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
От орлов орлята нарождаются,
У соколов — полеты соколиные,
Океан да с океаном — братья кровные.
Сталин Ленину да кровный брат
По работе, по размаху по орлиному,
По полету, по простору соколиному.
Мы идем со Сталиным, как с Лениным,
Говорим со Сталиным, как с Лениным.
Знает все он наши думы-думушки,
Всю он жизнь свою о нас заботится.
Под его водительством-заботою
Нет у нас сейчас людей без племени,
Нет без роду, без отечества.
И одна сейчас у нас дороженька —
К счастью, светлая, просторная, широкая,
И ведет по этой по дороженьке
Нас родная наша партия.
К счастью светлому дороженьку
Не развеять ветру черному,
Не покрыть грозою-тучею.

На обложке:
«МОСКОВСКОЕ МОРЕ».
Рисунок Е. Астафьевой.

Голубой корабль

Рассказ Е. Немировой

Рисунки В. Жатенева

И ГДЕ только растут такие ели?

Когда мы с отцом вошли в зал и увидели эту ель, большую, раскидистую, — мы даже остановились от удивления. Частый серебряный дождь струился по ней. Такое множество пестрых игрушек висело на ветвях, что ветви тянуло книзу.

Папа под этой елкой стал совсем маленький; ему пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть красную звезду, горящую на верхушке.

— Настоящий медведь был бы здесь, как игрушечный, — сказал я.

— Пожалуй, эта ель повыше любой мачты на корабле, — сказал папа.

Мы ходили вокруг елки, как вокруг башни, мы хотели все осмотреть. Но откуда-то сверху грянула музыка. Музыки такой я никогда не слыхал; казалось, что даже подвесочки на люстрах у потолка зазвенели. Все, кто был в зале — и дети и взрослые, — закружились, заплясали. Папа мой был веселее всех и вел большой круг. Мы кружились так быстро, что елка, казалось, стала сплошь серебряной. Долго мы не могли отдышаться, и ноги у нас точно сами танцовали.

Очень было весело!

Но вдруг я заметил, что мой папа стоит у елки грустный и рассматривает громадный линкор, висящий на двух ветвях. Я постарался растормошить папу: «Еще успеешь насмотреться на свои корабли», но он все продолжал думать про свое и все грустно смотрел на линкор. И что-то он сказал про какой-то голубой корабль, но я плохо расслышал.

* * *

Мы шли домой с елки пешком. Поднялась метель.

Снег кружился впереди нас у фонарей и мешал итти. Все стало белое, пушистое. Люди все были, как деды-морозы с елки.

Мы шли, нагруженные подарками, и молчали. Вдруг папа сказал:

— Вот сегодня Новый год. Через час уже будет тысяча девятьсот сороковой. А двадцать один год тому назад наступал тысяча девятьсот двадцатый. Тогда еще был жив товарищ Ленин.

— А ты про какой голубой корабль раньше сказал? — спросил я, когда папа замолчал и опять стал грустный.

Я засунул свою руку в рукав папиного пальто — я так с детства люблю, так мне лучше слышно папу — и пошел медленней, будто мне мешал снег. Мы шли мимо Красной площади домой, на Балчуг. Мавзолей был седой от снега. Часовые в длинных шубах стояли у входа в мавзолей. Голубоватые ели по бокам выстроились в ряд. Было тихо-тихо.

* * *

...В тысяча девятьсот девятнадцатом году, — начал папа, как будто и не слыхал, что я спросил, — была гражданская война, голод, холод.

Взрослые одевались плохо, ели плохо. Все, что было лучшего, Ленин велел отдавать детям: шоколад, сахар, масло, молоко.

В том году задумали в одной лесной школе под Москвой, в Сокольниках, устроить елку. И не так, спроста, задумали: в ту зиму жила в лесной школе жена Ленина — Надежда Константиновна Крупская. Учителя и ребята пригласили на елку Надежду Константиновну и через нее — Владимира Ильича.

Ильич обещал приехать.

А так не случалось, чтобы Ленин обещал и не сдержал слова. Дети нарадоваться не могли.

— К нам Ленин приедет! Ленин будет у нас на елке! — раздавалось по всему дому.

Школа была в лесу. Срубили тут же елку получше. Свежую, зеленую. Принесли ее в дом, и сразу же запахло лесом, и еще радостней стало.

Но вот елка есть, а игрушек нет. Какая же это елка без игрушек! Тогда их и за деньги купить нельзя было. Решили игрушки сделать сами, из чего есть, кто что умеет. Нанесли из лесу шишек, собрали со всего дома коробочек, цветной бумаги. Снесли гору лоскутков, клочков меха. И закипела работа.

Делали из спичечных коробочек вагоны и паровозы и думали: «Это увидит Ленин», и, как настоящие, выходили вагоны.

Делали из шишек птиц и зверей и надеялись, что понравится Ильичу. Как живые, выходили звери и птицы. А деда Мороза даже некоторые ребята испугались — думали вправду такой маленький старичок с длинной бородой из лесу пришел.

Уже много было сделано, когда самый младший из воспитанников школы, Костя, по прозвищу «Черепаха», сказал:

— Я для елки корабль сделаю. Большой, настоящий, с мачтами. Такой, что будет плавать.

— Времени мало, — сказала учительница.

Но Костя стал мастерить корабль. Собрал где-то фанерные щепочки и стал их один, без помощи, в стороне выпиливать. И никого не подпускал, чтобы не видели, пока все не будет готово.

С каждым часом все красивее и наряднее становилась елка. Девочки повесили целую гирлянду кукол, которые держались за руки. А тут еще неожиданная радость. Сидит Костя, мастерит свой корабль и вдруг слышит — ребята кричат:

— Гостинцы, гостинцы!

Оказалось, приехал из Кремля от товарища Ленина шофер и привез небывалые для того времени гостинцы: конфеты, маленькие крымские яблочки, орехи. Всю елку увешали. Богатая вышла елка! Ни одной ветки уже свободной не осталось. А Костя все мастерит и мастерит свой корабль. Стал даже к обеду и к ужину опаздывать.

Наступил наконец канун елки. Костя кончил свой корабль.

Паруса натянуты, красный флажок развевается впереди. Даже рулевой стоит у штурвала. Корабль ярко-голубой, а на борту золотым по голубому написано: «ЛЕНИН».

Все кричат:

— Костя, покажи, покажи корабль!..

Но Костя спрятал его до утра у заведующей в комнате, чтобы подсох клей. В эту ночь Костя не мог уснуть от счастья. Все ему казалось, что

он едет на голубом корабле, корабль качается на волнах и ему вслед машет рукой Ленин...

* * *

Тут мы с папой пришли домой. Я не мог дождаться, пока кончится новогодний ужин. Когда куранты на кремлевской башне стали звонить и я стал считать двенадцать ударов, я все думал о Косте Черепахе, понравился ли Ленину его корабль. Я быстро лег в постель, и папа сел около меня — досказывать.

— Утром пошел Костя в комнату к заведующей за своим кораблем, — продолжал папа, — чтобы вешать его на елку. Входит — и что же видит? Корабль весь рассыпался. Клей не держит. Плохой клей попался...

Я даже в кровати сел, так мне Костю стало жалко.

— Совсем рассыпался?

— Совсем!.. До приезда Ильича всего несколько часов осталось. Ребята ходят за дверью, посмеиваются, шушукаются, дразнят:

— Вот и не вышло!

— Черепаха!

— Задавака!

А Костя молчит. Опять уселся на свое место и склеивает части корабля. Только все спрашивает у учительницы каждый раз:

— Который час?

«Ужасно быстро идет время, когда тебе некогда. Если бы Ленин на часочек запоздал!» думал Костя. А заведующая, тетя Фаня, говорит:

— Владимир Ильич никогда не запаздывает!

Но вышло так, что на этот раз Ленин запоздал.

Уже все гости собрались в столовую. Ребята в костюмах наскоро повторяют роли приготовленной ими сказки «Санки-самокатки». Надежда Константиновна сидит за столом среди учителей и ребят. Елка ждет. Ребята ждут. И каждый раз кто-нибудь бежит к воротам — не слышно ли гудка машины.

А Ильича все нет.

Позвонили по телефону в Кремль; там сказали, что Владимир Ильич выехал.

Костя почти все успел доделать, все успел склеить заново. Только он сам теперь не рад был опозданию. Все у него из рук валилось. Что могло случиться с Ильичем?

— Пусть уж лучше мой корабль опять рассыплется, только бы Ленин приехал!

Так ждали долго. Когда ждешь, время тянется медленно. Все приуныли. Даже ветки на елке точно опустились, поникли от тревоги. В том году на окраинах Москвы еще попадались грабители и воры.

И вдруг — радость! Ильич приехал. Все ожили. Всё ожило. Все бросились Ильичу навстречу. Вокруг елки засуетились ребята. Монтер включил свет, и на ветвях зажглись цветные лампочки.

А Костя от радости не знал, что ему делать: бежать ли навстречу Ленину, или скорей нести свой корабль на елку? Так и застрял в дверях с кораблем... Ни к чему он сейчас, этот корабль. Хоть бросай его, никто не смотрит. Никому не интересно смотреть сейчас на Костю.

А Ленин вошел в комнату. С ним ворвался свежий морозный воздух, сильнее запахло елью. Ильич весело оглядел всех сразу, немного прищурился. Стал здороваться и все будто боялся, что кого-нибудь пропустит. Здоровается и тут же извиняется и объясняет, что неприятность у него с машиной случилась, что пришлось очень далеко пешком итти до Сокольников.

Но никто и не думает обижаться на Ленина. Все окружили его, каждому хочется быть к нему поближе.

Костя засмотрелся на Ленина. И вовсе Ленин не такого большого роста, как думалось, а среднего.

Мальчик зажал в руках свой корабль. Очень обидно, когда что-нибудь делаешь, стараешься и это никому не нужным оказывается.

Но тут Ленин заметил мальчика и голубой корабль с парусами и мачтами.

— Здравствуй, моряк! — сказал Ленин и ласково обнял Костю.

Ленин стал внимательно разглядывать корабль, как будто корабль был настоящий и собирался в дальнее плавание. Ленин хвалил корабль громко так, чтобы все ребята слышали. А Костя от радости застыдился и прижался к Ленину. Так весь вечер от него и не отходил. Чудесная это была елка! И, когда Костя в эту ночь ложился спать, он дал себе слово, что непременно станет моряком.

* * *

— А где теперь Костя? — спросил я, когда папа замолчал и вздохнул даже.

— Костя вырос. Многое увидел, многому научился...

— А он стал моряком? — спросил я и тронул папины нашивки на рукаве.

— Конечно! — ответил папа. — Ты же видишь... Стал, раз ему Ленин сказал.

Когда папа кончил, мы еще долго сидели рядом, молчали и всё думали.

Думали о Ленине.

И я думал о том, что тот Костя — это и есть мой папа — Константин Игнатьевич. Я очень люблю, когда папа приезжает к нам в гости из Ленинграда. Я люблю его рассказы о море, о кораблях, и морскую форму его я люблю с золотыми нашивками на рукаве.

ПЕСНЬ АШУГА

Запел ашуг —
И все вокруг
Внимали песне этой.
Запел ашуг —
Пред нами вдруг
И даль степей и лето...

Ашуг поет
Про свой народ,
Про счастье и свободу.
Поет ашуг:
«Нам Сталин — друг!
Он счастье дал народу».

Сева Бойцов, 10 лет. Москва

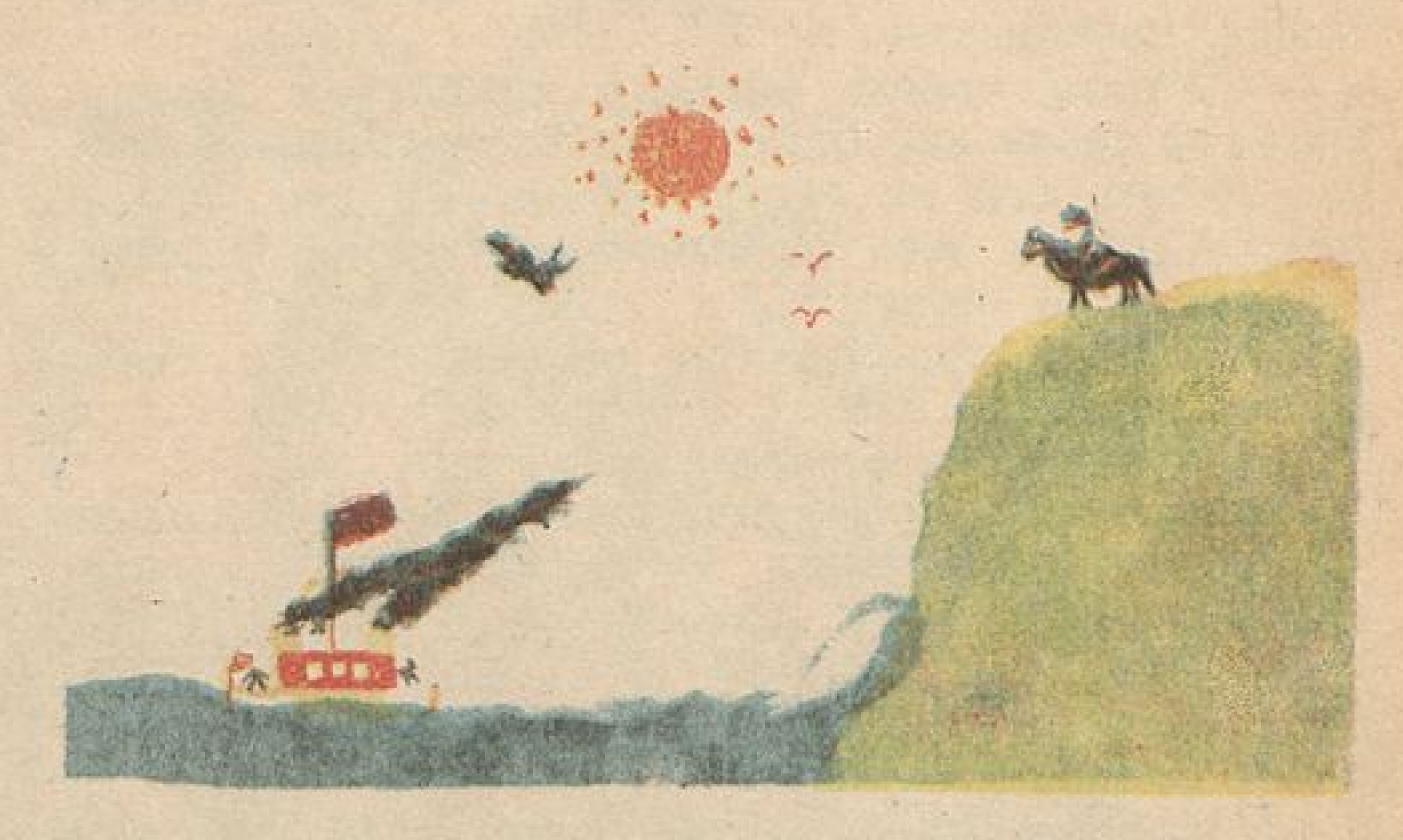

Рисунок Лени Обухова, 9 лет. Читинская обл.

КАК Я БЫЛА НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

На Шпицбергене мы жили девять месяцев. Много нового и интересного я там увидела. Раз я вышла погулять. Смотрю — небо все в полосах зеленых, желтых, красных. Не успела я опомниться, как полосы рассыпались по небу, и оно стало совсем светлое. Я испугалась и побежала за братишкой. Мы оба вышли и стали наблюдать, что будет дальше. Я спросила у мамы, что это такое. Она сказала, что это северное сияние.

Однажды я и Вера, моя подруга, решили залезть на гору. Лед был скользкий, и мы несколько раз съезжали вниз. Мы очень устали. Остановились. Тут Вера вдруг закричала:

— Медведь! На нас идет белый медведь!

Я говорю:

— Бежим!

Мы так растерялись, что позабыли даже, где мы находимся; побежали и съехали с горы вниз головой. Потом вместе с охотниками пришли к горе. А медведя-то и нет. Оказывается, мы сугроб приняли за медведя.

Во время полярного дня на Шпицберген приходили пароходы „Таймыр" и „Литке". Раз я и мой братишка Женя пришли на пристань. Женя надел капитанский костюм. Мы стали осматривать „Литке". Капитан ледокола заметил нас, подозвал к себе и спросил у Жени:

— Кто ты?

Женя говорит:

— Я капитан ледореза „Литке".

Капитан говорит:

— Позволь! Ведь я капитан.

Женя тогда сказал:

— Вы капитан, и я капитан, давайте будем знакомы! Как ваша фамилия?

Капитан сказал:

— Хлебников.

Тогда Женя назвал свою фамилию. Капитан сказал:

— Пойдемте в кают-компанию.

Мы пошли в кают-компанию. Хлебников спросил у Жени:

— Сколько тебе лет?

— Четвертый, — сказал Женя.

Хлебников говорит:

— Не пора ли тебе спать, четырехлетний капитан?

Жене не хотелось уходить, и он сказал, что не уйдет. Включили радио. Женя уселся на диван и скоро уснул.

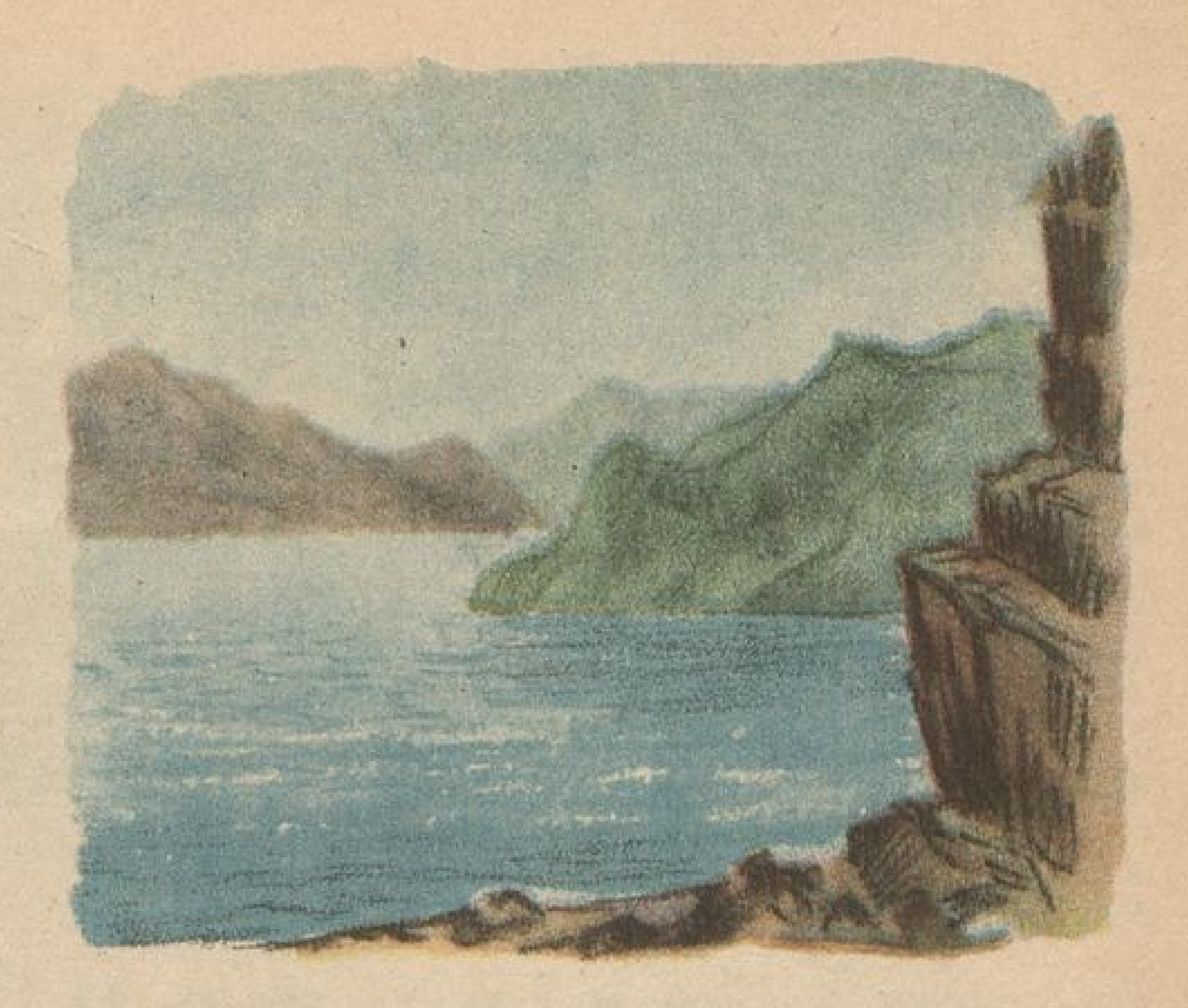
Как-то я гуляла по берегу моря, вижу — что-то белое шевелится на льду. Это был маленький тюленчик. Я взяла его на руки и принесла домой. Дома во дворе я ему сделала площадку; там он целый день гулял, а на ночь зарывался в снег. Он прожил у нас зиму. Весной он стал скучный, а раз и совсем не вылез из снега. Он умер.

Скоро настало время уезжать. Когда пришел пароход „Рошаль", я пошла последний раз прощаться со всем, к чему я так привыкла. Я пошла на могилу своего тюленчика и стояла там, пока меня не позвали на пароход. А когда пароход отчалил, я еще долго смотрела на горы, куда я не раз взбиралась. Но скоро Шпицберген исчез из виду.

Зира Антонюк, 11 лет. Ленинград.

ОЗЕРО СЕВАН

В. Сафонова

Высоко в горах Армении лежит Севан-озеро.

Синее и большое, как море. Жители Армении так и называют Севан — наше море.

На Севане нередко поднимаются такие бури, что волны перекатываются через палубу парохода.

Когда озеро спокойно, вода в нем так чиста и прозрачна, что на 13 метров в глубину все видно: и плывущую форель, и маленьких рачков, и камни на дне.

Солнца в Армении очень много, а воды мало — она почти вся в Севане.

Есть в Армении места, где можно ездить сутки, двое, трое по горам и долинам и не найти ни капли воды. Травы и посевы в равнинах сжигает горячее солнце, а люди поднимаются к самым вершинам гор, чтобы собрать снег и превратить его в воду. Только одна река Занга и вытекает из озера Севан, а впадает в него двадцать восемь быстрых горных речек. Они дают озеру каждую секунду 60 кубометров воды — это 180 бочек, а вытекает из озера в эту же секунду только 12 бочек. Куда же девается вся остальная вода? Почему она не переполняет озера и не плещет через край? Потому, что солнце Армении выпивает очень много воды из Севана.

Если поставить стакан воды на солнце, то вода долго не испарится, но если перелить эту воду на большое блюдо, то оно скоро будет сухим. Представим, будто Севан — большое блюдо с водой.

Поверхность озера — 1413 квадратных километров. Каждую секунду из озера испаряется 168 бочек воды. Над озером поднимаются облака. Но ветер гонит их далеко от Армении. И там, в других краях, выпадает дождь. Этот дождь — вода, унесенная из Севана.

Вот и стали думать люди, как бы сделать так, чтобы не испарялось в Армении так много воды.

Когда гидрологи исследовали Севан, то оказалось, что это не одно озеро, а два. Со дна озера встает перегородка и под водой делит Севан на малый и большой. Инженеры высчитали, что если бы был только один малый Севан, то воды испарялось бы гораздо меньше, а двадцать восемь рек попрежнему отдавали бы свою воду озеру. Трудно, конечно, сделать озеро меньше. Вычерпать его нельзя, высушить — тоже. Решили вылить весь большой Севан, но так, чтобы ни одной капли не пропало да еще чтобы вода большого Севана была на службе у человека.

Началась работа. На берегу Севана роют шахты, строят буровые вышки, ломают горы — это делают новую реку. По ней-то и пойдет вода большого Севана. Сначала по течению под землей, потом под горой, а потом и по равнине, где новая река и вольется в Зангу.

Так в Армении родится большая быстрая река. Семь гидростанций будут стоять на ней и на Занге. Вода большого Севана будет давать электроэнергию, а электроэнергия приведет в движение машины. В Армении будет выстроено много консервных, хлопковых и других фабрик и разных заводов.

Самую близкую к Севану гидростанцию назовут Озерной. Эту гидростанцию построят под землей, на глубине 55 метров, недалеко от столицы Армении — Еревана. Отработанная вода по маленьким и большим каналам побежит в сожженные солнцем горы, и на оживленной земле зацветут сады и посевы. Озеро будут спускать медленно: пятьдесят пять лет пройдет, прежде чем выльется большой Севан и останется один малый. Как только перегородка, разделяющая Севан, будет видна, вода перестанет вытекать, но и тогда не остановится работа гидростанций.

Они будут работать на воде, которую приносят двадцать восемь речек и которую выпивало до сих пор горячее солнце. Горы Армении перестанут называться пустынными.

Только рыба, которой будет тесно, да старые севанские капитаны и пожалеют о большом Севане.

Рассказ Я. Тайца *Рисунки Е. Бургункера*

ЗОЛОТОЙ ГРОШИК

НАКОНЕЦ-ТО Янкеле исполнилось шесть лет! В этот день бабушка поцеловала его крепче, чем всегда, и подарила ему маленькую блестящую денежку — грошик.

Янкеле спросил:

— Он золотой, да?

Бабушка была глуховата. Она ласково кивнула головой:

— Да, котик, да!

Янкеле обрадовался. Он любовался денежкой, дышал на нее и все думал, как бы получше ее истратить.

А что, если отдать ее извозчику Геноху? Тогда можно будет кататься на его огромном фаэтоне — спереди, на мягком сиденье, как настоящий пассажир с варшавского поезда.

Нет, жалко отдавать грошик Геноху. Прокатиться можно и так — сзади, там, где болтается ведро и мелькают страшные, облепленные грязью спицы. Пускай Генох кричит: „Шейгец, слезай!", пускай хлопает кнутом — все равно ему Янкеле сверху не достать.

А что, если отдать грошик Монику Мошковскому? За это, пожалуй, можно попросить его новые башмаки с резинками. Вчера он вышел во двор в этих башмаках и, поминутно нагибаясь и обтирая их рукавом, сказал:

— А я сегодня именинник, вот! А мне мама рубль дала! Приходите, ребята, у нас будет бал, вот!

Янкеле никогда еще не бывал на балу и даже не знает, что это такое — бал. И хотя бабушка сказала ему: „Не ходи к ним, Янкеле!" — он все-таки пошел, потому что ему очень хотелось увидеть бал.

Моник — нарядный, приглаженный — встретил его у двери:

— Ты? Подожди, я сейчас!

Янкеле долго сидел на кухне, где мыли посуду, где стучали ножи и вилки, а над плитой то и дело взлетал теплый вкусный пар. Потом кухарка сказала:

— Наш Монечка пошутил, а ты ждешь. Иди, дурачок, а то мне смешно делается.

Янкеле побрел домой. Бабушка спросила:

— Как тебе понравился бал?

Янкеле сказал только:

— Бал... бал... вот!

И заплакал и сразу лег спать, потому что бабушка ему не раз говорила: когда спишь, ничего не чувствуешь.

Нет, Монику нельзя отдавать денежку.

Кому же все-таки?

Вдруг он услышал знакомое:

— Свежи-и... пирожны-ы!..

Это пирожница Хана. Вот кому он завидует! Ей хорошо, ей уже лет двенадцать, а не просто шесть. И у нее большая корзина с пирожными, она может их есть, когда захочет. И Янкеле решил: он отдаст Хане золотой грошик, накупит пирожных и даже бабушку угостит.

Хана шла медленно серединой улицы. Она вся изогнулась, потому что на плече у нее стояла большая корзина. Издали казалось, будто корзина сама передвигается на худых босых ногах, будто корзина сама кричит тонким голосом:

— Свежи-и... пирожны-ы!..

Янкеле побежал за Ханой:

— Пирожны-ы... стой!..

Корзина повернулась, опустилась, и Янкеле увидел покрытое пылью и потом лицо Ханы. Но он смотрел не на Хану — он смотрел на корзину. Ой, сколько ж там пирожных! И длинные, и круглые, и изогнутые, и в бумажках, и без бумажек...

Хана спросила:

— Тебе какое?

Янкеле не знал, какое выбрать. Он раз-

глядывал чудесное богатство Ханы-пирожницы.

Хана сказала:

— Замечательный товар! Свеженьки, сахарны...

Янкеле очнулся. Он стал показывать пальцем:

— Это и то... Нет, то... вон то... Много!..

И он протянул Хане-пирожнице золотой грошик. Монетка весело заблестела на ее ладони, на которой красными пятнами отпечаталась ручка корзины.

Вдруг Хана крикнула:

— Что ты мне голову морочишь?

Она взмахнула рукой, и грошик, сверкнув, упал в канаву.

Янкеле растерялся.

— Он же не такой, Хана, он же золотой!

— Такой золотой, как ты!

Она вздохнула, подняла корзину и пошла.

— Свежи-и-и... пирожны-ы!..

Янкеле долго барахтался в канаве, среди мусора и соломы. Но вот грошик нашелся. Янкеле повеселел, стал его вытирать, и монетка опять засияла.

„Ну, ладно, — подумал Янкеле, — пускай считается не золотой, все равно я куплю, хоть не целое, хоть кусочек...“

И он снова побежал за Ханой:

— Пускай... Дай кусочек!

Хана, не оборачиваясь, ответила:

— Что ж, я резать буду? Что это тебе — колбаса?

Но Янкеле не отставал. Ничего, он будет за ней ходить, ходить, ходить, и, когда она устанет и сядет и начнет есть пирожное, тогда он купит у нее на грош.

Он все шагал за Ханой. Она переходила на ту сторону улицы — он переходил на ту сторону улицы. Она постояла у аптеки — и он постоял у аптеки. Она кричала:

— Свеженьки... сдобненьки!..

И ему хотелось кричать:

„Свеженьки... сдобненьки!..“

Она его не видала. А он все время видел ее выцветшее синее платье, изогнутую спину и темные пятки — то одну, то другую...

Солнце печет. Янкеле выскочил без шапки, он устал, но он все шагает за вкусной корзиной, точно привязанный, по Виленской улице.

Но вот улица кончилась. На пустыре, возле речки, Хана остановилась, опустила корзину, зачерпнула воды, умылась и села в тень.

Янкеле, сжимая грошик, притаился в кустах.

Хана откинула марлю, которой были покрыты пирожные, порылась в них, достала одно и стала его есть, запивая водой.

Янкеле шевельнулся: „Пора!“ А то она все съест, и опять ему ничего не достанется!

Он вышел из-за кустов. Хана испугалась и перестала жевать:

— Кто это?

— Это я, — сказал Янкеле, протягивая монетку. — Ну все равно, пускай не золотой, дай маленький...

— Что я тебе, резать буду? — повторила Хана.

— А ты от своего...

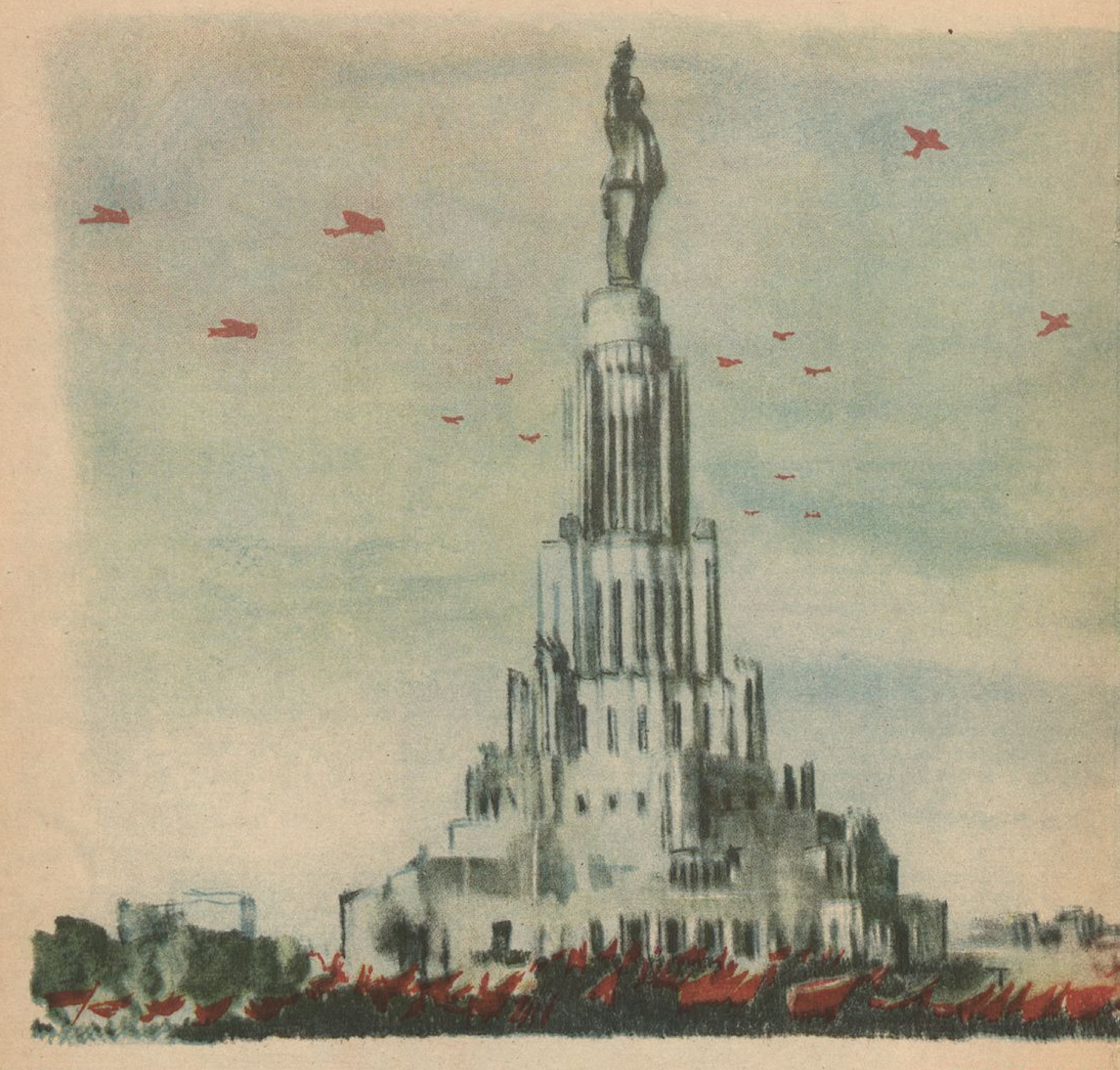
Вдруг он увидел, что в руках у нее вовсе не пирожное, а кусок черного хлеба — горбушка. Он замолчал и уставился на горбушку, будто никогда не видел. Хана сказала:

— Иди, иди, покупатель!

Янкеле поплелся по дороге. Его обогнал фаэтон Геноха. Спереди на мягком сиденье развалился Моник — и Янкеле не стал прицепляться.

Он пришел домой и лег, потому что, когда спишь, ничего не чувствуешь. Во сне кулак его разжался. С легким стуком упал и покатился куда-то золотой грошик...

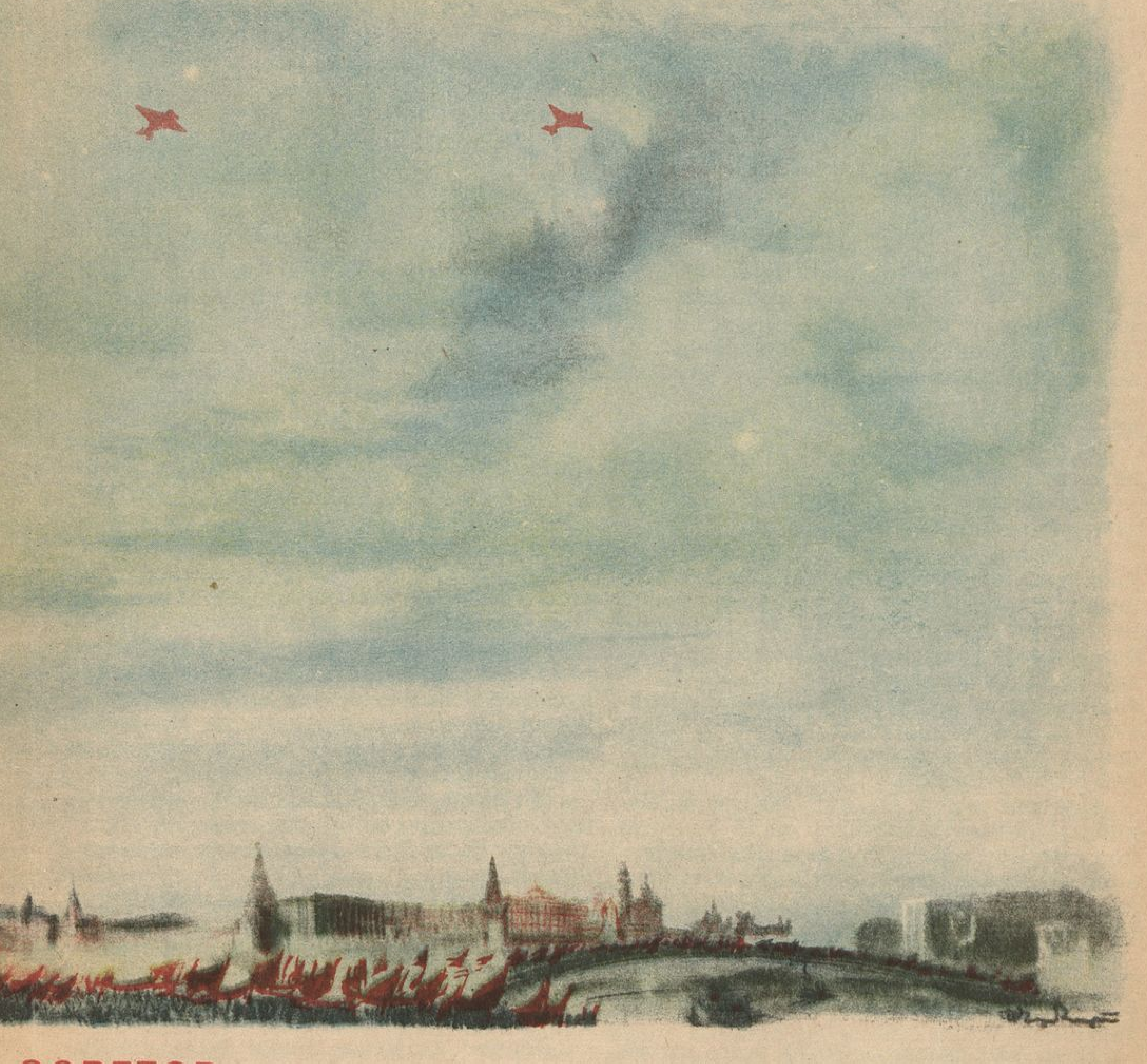
Н. Атаров

ДВОРЕЦ

В Москве, вблизи Кремля, на берегу Москва-реки мы строим Дворец Советов. Это будет самое высокое здание на земле — высотой в 416 метров. За 40 километров от Москвы можно будет разглядеть на горизонте в ясную погоду статую Ильича, возвышающуюся над дворцом. Снаружи дворец облицуют прекрасным светлым гранитом, а статую соберут из тонких листов стали при помощи кранов. В статуе Ильича будет 100 метров. В указательном пальце вытянутой руки статуи — 6 метров. Голова — величиной с четырехэтажный дом. Во всем мире нет таких статуй!

В Большом зале дворца на заседаниях и спектаклях поместится 21 000 человек — население целого города. Во всем мире нет таких залов. Нет и таких, как Малый зал, в котором поместится 6000 зрителей.

Советский народ хочет, чтобы памятник

СОВЕТОВ

Рисунок П. Алякринского

Ильичу стоял на земле тысячи лет и всегда оставался прекрасным. Со всех концов нашей необъятной страны люди присылают в Москву красивые мраморные плиты, чудные картины, удобные красивые лифты, движущиеся дорожки.

Когда дворец выстроят, мы сможем подняться высоко над Москвой, к подножию статуи Ильича, на самую верхнюю площадку дворца, туда, где гуляют тучи. В дни праздников, в дни съездов партии и сессий Верховного Совета москвичи понесут к дворцу красные знамена. Краснокрылые самолеты станут реять вокруг дворца, а внутри него, в Большом зале, будут в это время работать, заседать лучшие люди нашей страны — стахановцы заводов и полей, ученые, командиры. И рука Ильича над зданием будет указывать им путь — всегда вперед.

Рассказ вилки

М. Ильин *Рисунки В. Таубера*

На столе в строгом порядке стояли тарелки. Возле каждой тарелки лежала салфетка, вдетая в кольцо. На подставках, как на подушках, лежали ножи и вилки. А перед тарелками разместились, головой в одну сторону, ложки. Вдруг тоненький, дребезжащий голос произнес:

— Товарищи, позвольте и мне рассказать свою историю!

И одна из вилок, привстав, поклонилась собранию.

— Я вижу, — сказала вилка, — что вы удивлены моей смелостью. Я всего только вилка, а к вилкам никто особого почтения не питает. Хозяева обращаются со мной без всякого уважения: швыряют, роняют, забывают меня вымыть и вычистить. В ящике буфета рядом со мной живут вилки-калеки, пострадавшие от жестокого обращения: у одной поломаны зубцы, у другой разбит черенок.

Нас не берегут. Ведь вилка не какая-нибудь редкость, которую надо хранить под стеклом или в футляре. Вы найдете вилку в любом доме и в любой стране, даже у тех людей, которым этой вилкой нечего есть.

А было время, когда к вилке относились с почетом и уважением, когда вилка вызывала не только удивление, но и восторг.

Надо вам сказать, что из всего столового прибора я самая младшая. Тарелка и ложка постарше меня. А самый старый из нас — это мой сосед, нож. Ему много тысяч лет. Он ведет свой род еще от тех древних ножей, которые делались не из стали, а из камня. С тех пор ножи сильно изменились. Посмотрите на моего соседа — он и блестящ, и красив, и остер. Он совсем не похож на своего грубого, неотесанного каменного предка.

Несмотря на большую разницу в возрасте, мы с ножом живем дружно. Когда мы работаем, я держу мясо, а нож его режет. А потом, когда мясо уже разрезано, я беру кусок, а нож его придвигает ко мне. Лежим мы на столе всегда рядышком и работаем в паре.

Но не так было четыреста лет тому назад. Разрезав мясо ножом на куски, люди брали их с блюда не вилкой, а руками. Даже знатные дамы не стеснялись запускать в блюдо пальцы, украшенные кольцами. Вилка была редкостью, и ее можно было увидеть только во дворце короля или в доме знатного вельможи.

Редкостью была и тарелка. Вместо тарелок на стол клали большие круглые куски хлеба. После обеда эти тарелки, пропитанные соусом, мыть не приходилось: их люди съедали сами или бросали под стол собакам.

И тарелку и вилку подавали только самым почетным гостям. А остальные гости должны были брать мясо пальцами из общего блюда.

Не знаю, где и когда появилась первая вилка. Говорят, что предки наши произошли от тех вилок, которыми орудовали на кухне повара и кухарки. Но в столовую из кухни вилки переселились только лет четыреста тому назад.

Первые столовые вилки были совсем не похожи на нас. Это были маленькие изящные создания с двумя длинными зубцами и коротеньким черенком. По тогдашней моде, черенок был на конце украшен шишечкой. Наших бабушек по большей части не держали взаперти в буфете, а носили с собой, как носят часы и драгоценности. Вилочку носили в кармане или на поясе вместе с кинжалом.

На первых порах работа у вилок была

деликатная, благородная. Вилку пускали в ход только за десертом, когда подавали фрукты и печенье.

Вилку считали предметом роскоши. Возвращаясь из столицы домой, в свои поместья, знатные господа привозили вилку с собой, как последнюю модную новинку.

Мне рассказали, как первая вилка попала в Англию.

Дело было так. В 1608 году побывал в Италии один англичанин, которого звали Томас Кориат. Во время путешествия он вел дневник, в который записывал все, что его особенно поражало. В своем дневнике он пишет о чудесных дворцах, стоящих посреди воды, о древних полуразрушенных храмах, о мраморных статуях, пролежавших тысячу лет в земле. Но одна вещь удивила Кориата больше, чем дворцы, храмы и статуи.

В дневнике есть такая запись:

«Когда итальянцы едят мясо, они пользуются небольшими вилами из железа или стали, а иногда из серебра. Итальянцев никак нельзя заставить есть руками. Они считают, что есть руками нехорошо, потому что не у всех чистые руки...»

Прежде чем отправиться в Англию, Кориат обзавелся такими «вилами».

Приехав домой, Кориат решил похвастаться перед друзьями и знакомыми своей покупкой. На званом обеде он вытащил из кармана вилку и принялся есть по итальянскому способу.

Все взоры устремились на него. А когда он объяснил, что это за штука у него в руках, всем захотелось рассмотреть поближе инструмент для еды. Вилочка обошла весь стол. Дамы восторгались изящной отделкой, мужчины удивлялись изобретательности итальянцев, но все в один голос решили, что итальянцы — большие чудаки, что есть вилкой очень неудобно.

Томас Кориат пробовал спорить, доказывая, что нехорошо брать мясо руками, потому что руки не у всех чистые. Это вызвало общее возмущение. Неужели мистер Кориат думает, что в Англии никто не моет рук перед едой? Неужели нам мало десяти пальцев, данных природой, и мы должны добавлять к ним еще два искусственных пальца? Пусть-ка он покажет, легко ли справляться с этими нелепыми вилами!

Кориат захотел показать свое искусство. Но первый же кусок мяса, взятый им с блюда, шлепнулся с вилки на скатерть. Смеху и шуткам не было конца. Пришлось бедному путешественнику спрятать свою вилочку обратно в карман.

Так встретили первую вилку в Англии. А теперь?

Вилка стала необходимой вещью в каждом доме. Люди перестали нам удивляться. Никто не считает больше меня диковинкой, никто не восхищается мною. Но никто не может и обойтись без меня.

Как-то раз за столом маленький сын моего хозяина забыл обо мне и принялся есть без моей помощи. Все стали смеяться над ним, а хозяйка попросила его уйти вон из-за стола.

Значит, вилка не последняя вещь в доме.

Пусть я играю в обществе самую скромную, самую незаметную роль, но я сумела стать всем необходимой. Этого с меня довольно.

И, сказав это, вилка с достоинством улеглась на подставку.

А. Барто

Рисунки М. Храпковского

СВЕРЧОК

Папа работал,
Шуметь запрещал.
Вдруг
Под диваном
Сверчок
Затрещал.

Ищу под диваном —
Не вижу сверчка,
А он, как нарочно,
Трещит с потолка.

То близко сверчок,
То далёко сверчок,

То вдруг застрекочет,
То снова — молчок.

Летает сверчок
Или ходит пешком?

С усами сверчок
Или с пестрым брюшком?

А вдруг он лохматый
И страшный на вид?!
Он выползет на пол
И всех удивит.

Петька сказал мне:
— Давай пятачок,
Тогда я скажу тебе,
Что за сверчок.

Мама сказала:
— Трещит без конца!
Выселить нужно
Такого жильца!

Везде мы искали,
Где только могли.

Потерянный зонтик
Под шкапом нашли,

Нашли под диваном
Футляр от очков,
Но никаких
Не поймали сверчков.

Сверчок — невидимка,
Его не найдешь.
Я так и не знаю,
На что он похож.

Н. Найденова *Рисунок М. Храпковского*

СЛОН

Слон в оранжевой попоне,
Белый плюшевый медведь,
Два верблюда, ослик, пони —
Выбирай, на ком сидеть.

Вот сижу я на слоне
В длинной белой простыне.

Слон качает головой,
Будто этот слон живой.

Здесь не цирк, не зоосад —
Подстригают здесь ребят.
Только кресел нету здесь —
Тут на зверя можно сесть.

Парикмахер дядя Митя
Полотенцем руки вытер,
Взял зубастую гребенку,
Щелкнул ножницами звонко.

Головой я не верчу,
Я не плачу, не кричу,
Потому что на слоне
Очень интересно мне.

Серый хобот я потрогал,
Дернул длинный белый клык...
На слоне сидел немного,
А к слону уже привык.

Дядя Митя кончил стрижку
И сказал: „Слезай, парнишка!“

Тут уж я как закричу:
„Нет, слезать я не хочу!
Со слоном я не расстанусь,
В парикмахерской останусь!

Я прошу вас, дядя Митя,
Каждый день меня стригите!“

Петрась Цвирка

Рисунок В. Таубера

БЕДНЯК И БОГАЧ

Литовская сказка

Бедняк в лесу на берегу реки рубил деревья. Только вдруг топор шиик!—и соскочил с топорища. В реку бултых! — и утонул.

Горько заплакал бедняк:

— Ай, ай, я несчастный! Чем теперь буду деревья рубить, на хлеб зарабатывать?

В это время — топтык-потоптык! — выходит из лесу хромой старик, можжевеловая борода, нос — еловая шишка, и спрашивает:

— О чем ты плачешь, добрый человек? Что с тобой случилось?

— Как мне не плакать, коли мой топор упал в реку, а другой купить не смогу! Чем теперь буду деревья рубить, детям чем на хлеб заработаю?

— Ладно, не плачь, я тебе его выловлю!

Старик скинул тулуп, снял лапти и — бултых в воду! Минуты не прошло — вынырнул из воды с золотым топором и говорит:

— На, бери! Ведь это твой топор?

— Ах, нет! Ах, нет! Это не мой! — отвечает бедняк.

Нырнул старик опять и вынырнул с серебряным топором.

— Ой, нет, нет! Это не мой топор! — крикнул бедняк.

В третий раз нырнул старик и вытащил железный топор.

— Вот этот мой! Этот мой! — заплясал бедняк от радости. — Спасибо тебе, старичок, за добрую помощь, за услугу!

Взял бедняк топор из рук старика и уже хотел было бежать домой.

— У-у-у-у-у! — окликнул его старик. — Стой! Раз ты такой правдивый и нежадный—на, возьми и эти топоры, золотой и серебряный.

Пришел бедняк домой с тремя топорами и обо всем рассказал семье.

Услыхал про это счастье один богатый сосед. Взял он свой топор и пошел в лес. Пришел на то же самое место у реки, стук-стук в дерево... Топор легонько был прикреплен к топорищу — шлёп! — и упал в воду. Застонал богач:

— Ай, ай, я несчастный! Ай, ай, я пропащий!

В это время из лесу — топтык-потоптык! — и приковылял хромой старик, можжевеловая борода, нос — еловая шишка, и спрашивает:

— Чего, человек, горюешь?

— Как мне не горевать: рубил дерево, топор с топорища соскользнул и упал в воду! Кто мне его теперь выловит?

— Ну, успокойся, я его вытащу, — сказал старик и, скинув тулуп, бултых в воду!

Минуты не прошло, выплыл с железным топором в руках.

— Это твой?

— Нет, не мой! — отвечает богач.

Старик опять погрузился в воду и вынырнул с серебряным топором.

— Твой ли этот?

— Нет, не мой! Мой был лучше!

В третий раз нырнул старик и вытащил золотой топор.

— Вот, вот, этот так мой! — обрадовался богач. — Я издали его узнал!

Только что он сказал, старик бултых в воду с золотым топором — и пропал. А богач, быть может, еще и сегодня на берегу сидит и ждет, когда старик вынырнет и принесет ему бриллиантовый топор.

ПОДВИГ

Самсон Глязер *Рисунки А. Брея*

Лет двести тому назад Россия вела войну со Швецией. Война эта, известная под названием „Северной“, продолжалась почти двадцать один год.

В июле 1701 года семь шведских кораблей подплыли к деревням недалеко от Архангельска. Подойти к городу было невозможно: в устье у Архангельска река имела множество мелей. Шведы опасались итти по этому незнакомому пути и решили захватить с собой проводников.

Под угрозой смерти двух русских рыбаков — Ивана Рябова и Дмитрия Горожанина — они заставили повести вражеские корабли в родной город Архангельск. Рябову и Горожанину были обещаны щедрые награды. Иван и Дмитрий решили пожертвовать жизнью, если понадобится, но не вести врагов, в свою землю.

Ранним утром, вместе с предрассветным туманом, шведская флотилия вошла в устье Северной Двины и стала приближаться к городу. К этому времени Рябов и Горожанин уже успели известить через своих людей архангельских солдат о нашествии шведов, а корабли их посадили на мель вблизи Архангельска.

В то же время русские отряды на шлюпках и ботах окружили шведов и быстро взобрались на вражеские корабли. Обманутые шведы бросились на рыбаков. Дмитрия Горожанина шведы растерзали, а Иван Рябов был ранен. Но он успел спастись, выпрыгнув за борт шведского фрегата.

Благодаря подвигу двух простых русских людей два шведских корабля попали в плен.

Петр I, узнав о мужественном поступке Ивана Рябова, выдал ему большую сумму денег и навсегда освободил от всяких податей. Архангельские поморы до сих пор хранят благодарную память о двух своих земляках, не давших врагам проникнуть в русский город.

Рисунки Г. Якубович

КУКЛЫ-САМОДЕЛКИ

Вот какие куклы-самоделки делают родители для своих детей и сами дети из материалов, которых много под руками.

Очень интересные куклы делаются из лоскутков разных материй на Украине, в Грузии и Узбекистане. На рис. 5 показана узбекская кукла с деревянной люлькой.

На Севере, в Архангельской области, на Чукотке, куклы шьются в костюмах из шелка, меха и кожи. Ненцы также делают куклы из кожи и меха. Вместо носа они пришивают птичий клюв, по старинному поверью: будто кукла с птичьим клювом—счастливая.

Татарские дети часто мастерят себе куклы из мочалы. В Кировской области, где много лесов, так же как и в других лесных местах, куклы делают из мха и шишек (рис. 14).

В Рязанской области делают куклы из соломы, а в Ленинградской — из соломы, проволоки и цветных ниток.

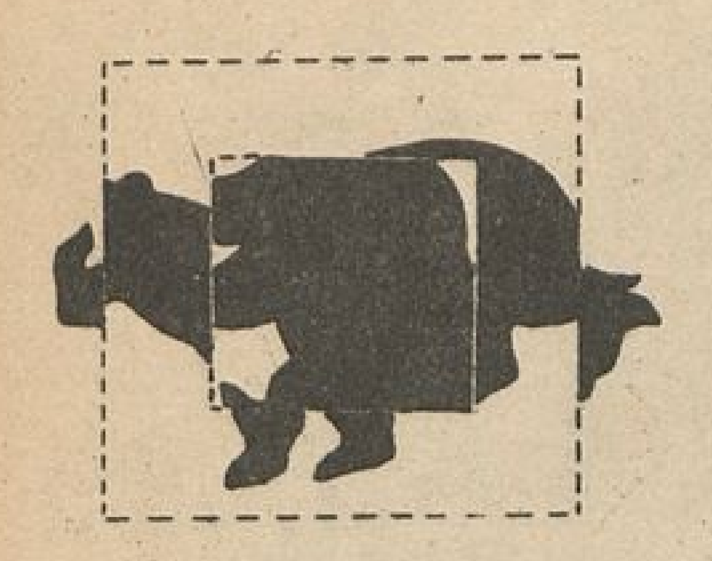
В Рязанской области мастерят куклы из материи, в нарядных головных уборах с бусами и в платьях с кружевами (рис. 13).

Много красивых игрушек и кукол делают из дерева в Горьковской области.

В Сибири, в Ойротии,— свои куклы, в нарядных костюмах.

Ребята! Попробуйте сами сделать (из обрезков ткани, кожи, из проволоки, ниток, из дерева и других материалов) куклы по своему вкусу.

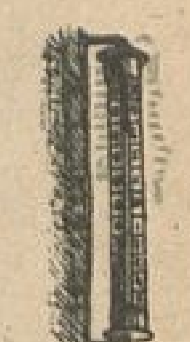
Игры и забавы

Хотите узнать, какой зверь спрятался за этой рамкой?

Нарисуйте на бумаге эту фигуру, а потом вырежьте большую рамку и отдельно, внутри нее, маленькую. Затем наложите рамки друг на друга так, чтобы получилось изображение зверя.

МОРОЗ

В небе солнышко зажглось,
Просияло радостно.
Ночью дедушка Мороз
Подышал на градусник.
Всё в окно хотел взглянуть
И просился в гости к нам...
Посмотри, как низко ртуть:
Двадцать восемь градусов!

Н. Артюхова

Хорошая зимняя забава — лепить снежные фигуры. Но почему-то вы, ребята, ничего, кроме баб, не лепите.

А ведь это не так трудно.

Вот зайчик (см. рис. 1). Чтобы его сделать, вбивают в землю (в снег) две палки и привязывают их веревочкой. К этой веревочке прислоняют дощечку. Потом всё — и палочки и дощечку — надо облепить снегом. Сначала палочки — ноги, потом туловище, мордочку и уши. Вместо глаз и носа вставляют угольки, а вместо усов — тонкие прутики.

Нетрудно сделать и собаку (см. рис. 2). Из доски и четырех палок устраивают стол и потом облепляют его снегом.

Так же почти делают медведя (см. рис. 3).

Труднее вылепить слона (см. рис. 4).

Деревянный стол обкладывается толстым слоем снега. Снежное туловище слона налепляется на столе. На дощечку А опираются уши слона. Палка Б обкладывается снегом — выше толще, ниже тоньше, — это хобот слона. Две расходящиеся палки В — клыки. Палка Г служит для упора головы слона. Вместо хвоста — согнутая проволока, которая облепляется снегом. Вместо глаз вставляют угольки.

1

2

3

4 (Г, Б, В, В, А)

А. Коган
Рисунки М. Храпковского

КАК РАНЬШЕ УЧИЛИ

1. Его учитель не учил,
Он и в школу не ходил.
Был удел его таков:
Пас помещику коров.

2. А к нему учитель на дом
Приходил, садился рядом.
Но помещика сынок
Не хотел учить урок.

3. Он работал за пятак,
И его учили так:
Получал он каждый день
Вместо азбуки ремень.

4. А вот с этим в школу лихо
Мчал извозчик, как гонец,
У него ведь мать — купчиха,
А отец его — купец.

5. Приходилось так учиться:
Богу поп учил молиться.

6. Чтоб семье не голодать,
Приходилось ей стирать.

7. Это дочки дворян,
Не рабочих, не крестьян.

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль, С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.
Художественный редактор В. Житенев.
Корректоры З. Молодык и А. Сапелкина.
Сдано в набор 20/XI 1939 г. Подписано к печати 23/XII 1939 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-фор. 93×120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита А-20862. Детиздат № 2533. Заказ № 2109. Тираж 250 000.
Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.